

3. Концептуальні та комунікативно-функціональні аспекти мовної діяльності

Лариса Адонина

Лексическая объективация концепта «Севастополь» в художественной картине мира русских поэтов XIX – XX вв.

У статті досліджується концепт «Севастополь» в художній картині світу російських поетів XIX–XX ст. – найважливіший компонент концептосфери російського і українського народу.

The article examines the concept of «Sevastopol» in the artistic world view of Russian poets XIX–XX centuries – an essential component of the concept sphere of Russian and Ukrainian people.

Актуальность работы обусловлена интересом современного языкознания к проблеме отражения в языке основных концептов национальной концептосферы; важностью разработки лингвокогнитивной методики исследования и описания языкового сознания.

Объектом исследования являются языковые средства объективации концепта «Севастополь» в художественной картине мира русских поэтов XIX–XX вв. Предметом исследования является содержание концепта «Севастополь» как поэтического локуса.

У топонима *Севастополь* как элемента концепта *город Севастополь* лексическое значение, отражающее универсальные представления о понятии, сводится к общему для всех названий административных центров определению: *город, административный центр*.

Анализ толкований значения лексемы *город* в словарях, справочниках и энциклопедиях показывает, что универсальная понятийная часть концепта *город* представлена двумя компонентами: *город* (как территориально-административное образование) и *деловой центр*. Причем в толковании понятия акцентируется множественность признаков, его характеризующих (состав и количество населения, характер застройки, административный и общественно-культурный статус населенного пункта, образ жизни горожан и т. д.).

Таким образом, общее смысловое содержание концепта *город Севастополь* формируется вполне определенным инвариантным содержанием понятия *город* и вариативным регионально маркированным содержанием и коннотациями топонима *Севастополь*: *город-герой, город государственного значения Украины, расположен на черноморском побережье Крымского полуострова, заложен по указу российской императрицы Екатерины II, крупнейший незамерзающий морской торговый и рыбный порт, промышленный, научно-технический, рекреационный и культурно-исторический центр, военно-морская база*

Черноморского флота Российской Федерации, военно-морская база ВМС Украины.

В контексте семиотики культуры концепт *город*, по мнению авторитетных исследователей (Ю.М. Лотман, В.Н. Топоров, Н.Е. Меднис), представлен четырьмя направлениями ассоциативно-смыслового развертывания, которые можно обозначить как топологическое, антропологическое, культурно-историческое и мифологическое. Проанализировав более 200 стихотворений, мы установили, что концепт *Севастополь* репрезентируется в поэтическом дискурсе в соответствии с названными направлениями.

Наиболее полно топологические и культурно-исторические аспекты содержания и компоненты коннотации концепта, ставшие поэтическими стереотипами, отразились, например, в стихотворении Сергея Алымова «Родной Севастополь»: *Заря засияла над Крымской землею, / Над морем рассеялся сумрак ночной. / Белеет на взгорье, над синей волною, / краса Черноморья, наш город-герой. / Лазурные бухты, жемчужные горы, / Высокий, далекий огонь маяка. / Эх! Черное море, широкое море, / Родной Севастополь – любовь моряка. / Здесь кровью святые омыты утесы, / Здесь славой оваян бетон батарей, / Здесь курс на бессмертье держали матросы / В боях за свободу Отчизны своей.*

Топологическое направление ассоциативно-смыслового развертывания концепта *Севастополь* представлено в данном стихотворении концептуальными признаками, традиционно презентующими местный ландшафтный колорит (Крымская земля, море, взгорье, жемчужные горы, белый город, синие волны, Лазурные бухты, черное море), историческое прошлое города (кровью святые омыты утесы, славой оваян бетон батарей, курс на бессмертье держали матросы, бои за свободу Отчизны), отношение к городу (родной Севастополь, город-герой, любовь моряка, краса Черноморья). Безусловно, многие образы являются поэтическими штампами, но в сочетании с описанием деталей местного пейзажа они создают определенный эстетический эффект.

Еще одно стихотворение, наиболее емко включившее большинство концептуальных признаков концепта Севастополь – стихотворение В. Лебедева-Кумача «Дума о Севастополе» (1960): *Белый город на синем морском берегу – / Сорок бухт и без счета огней. / Сколько билось сердце у твоих пристаней! / Я тебя в своем сердце навек сберегу. / Есть у каждого город, в котором он рос, / Материнскую песню любя. / Севастополь-солдат, Севастополь-матрос, / Ты родной для любого, кто видел тебя. / Ты стоишь, полон завтрашней думы большой, / Навсегда недоступный врагу. / Как ты славою стар, как ты молод душой, / Белый город на синем морском берегу.*

В данном лирическом произведении описаны ландшафтные признаки севастопольской земли: сорок бухт, пристани. Географические названия места действия и описание этих мест, точная пространственная адресация облегчают восприятие художественного текста, настраивают читателя на реалистическое восприятие информации. Используя топонимы, поэт осуществляет географическую конкретизацию описываемого события, приближает его к действительности. Самый яркий образ – колористический: *белый город на синем морском берегу*. Этот образ неоднократно возникает в лирике русских поэтов XIX–XX вв.: *В тиши ночной таинственной пучины / Я полюбил многоголосый гул, / Смотрел, как в небе серебрится тополь / И при луне белеет Севастополь* (Д.С. Мережковский «Хотел бы я начать без предисловья...», 1895–1899); *Белосиний город Севастополь, / Белокрылый город в синеве...* (М. Петровых *Белосиний город Севастополь*, 1942).

В стихотворении возникает мифологический образ города – *Севастополь-солдат, Севастополь-матрос*. Олицетворения неоднократно используются поэтами при описании города, например, в стихотворении И.Л. Сельвинского «Я лежу. Стена сырая в каплях...» (1919): *Ну, теперь прощай, брат Севастополь, / Здравствуйте, Константинополь-друг! У Вс. А. Рождественского также возникает образ Севастополя-брата: *Давний брат мой, гулкий Севастополь, / Синий с белым, как старинный флаг.**

Севастополь воспринимается не только как живое существо, Севастополь обладает душой – *как ты молод душой*. Город имеет не только историческое прошлое, но и будущее – *Ты стоишь, / полон завтрашней думы большой, / Навсегда недоступный врагу. / Как ты славою стар, как ты молод душой, / Белый город на синем морском берегу.*

Самым важным признаком Севастополя в лирике русских поэтов XIX–XX вв. является концептуальный признак «город-герой, город русской славы»: *Легендарный Севастополь, / Неприступный для врагов! Севастополь,*

Севастополь – / Гордость русских моряков! (П. Градов, «Легендарный Севастополь», 1954); *Непобедимый город Севастополь – История. Музейный броненосец* (И.Л. Сельвинский «Я в этом городе сидел в тюрьме...», 1944).

Этот признак тесно переплетается с мифологическим признаком города-феникса, восстающего из пепла: *Восстань из пепла, Севастополь, / Герой, прославленный навек! / Твой каждый уцелевший тополь / Взлелеет русский человек / Те камни, где ступал Нахимов, / Нам стали дороги в войне, / Когда мы, нашей кровью вымыв, / Вернули их родной стране. / Израненный, но величавый, / Войдешь ты в летопись веков – / Бессмертный город нашей славы, / Святыня русских моряков* (В. Лебедев-Кумач «Севастополь»).

Все локально значимые репрезентанты концепта объединяет общий для многих авторов антропологически ориентированный идейно-эстетический замысел – воплотить образ города Севастополя как города великой русской славы, русской истории: *Еще при грозном Наварине / Он украшением флота был; / Поборник правды и святыни, / Врагов отечества громил, / И Севастополь величавый / Надежней стен оберегал...* (А.Н. Апухтин «Когда на лаврах Мантинеи...», 1854); *Опять зовет и к делу нудит / Родную Русь твоя волна, / И к распре той, что бог рассудит, / Великий Севастополь будит / От заколдованного сна* (Ф.И. Тютчев «Пятнадцать лет с тех пор минуло...», 1871); *Привела меня ты, дороженька, / К славному городу к Севастополю – / Отстоять его, коли бог судил, / Или лечь костями во честном бою* (А.Н. Майков «Ох, дорога ль моя, ты дороженька...», 1854).

Восторженная интонация, громоздкие метафоры и гиперболы, нанизывание эпитетов, риторические фигуры и общее воодушевление поэтов должны убедить читателя в исключительности города, его всепланетарной заслуженной славе и неугасимом свете города русской славы.

Прежде всего для русских поэтов Севастополь – это город, за который проливалась русская кровь: *Приравняем ли / К побоищу базарному / Войну под Севастополем, / Где лил солдатик кровь?* (Н.А. Некрасов «Кому на Руси жить хорошо», 1865–1877); *И пала сладкая дремота / На голубой залив, на мачт недвижный лес... / Как грозно высилась – одна сплошная рана – / Над морем тень Малахова кургана!* (В. Немирович-Данченко «Севастополь»).

Севастополь – город, который даже сдавшись врагу – город-победитель.

Я спою вам о том, как от южных полей / Поднималось облако пыли, / Как сходили враги без числа с кораблей / И пришли к нам, и нас победили. / А и так победили, что долго потом / Не совались к нам с дерзким вопросом; / А и так победили, что с кислым лицом / И с разбитым

отчалили носом. (А. Апухтин «Солдатская песня о Севастополе», 1869).

Город превратился в одно большое кладбище. Мотив смерти – один из центральных в русской поэзии: *Как мертвый исполин, на грудь скрестивший руки, / Недвижен ты лежишь на мертвых берегах. / Безлюдны улицы, обросшая травой, / Колонны белая возносятся вдали... / Тут опустелый храм, там целою грядою / Упавшие дома валяются в пыли. / Везде следы огня... В стене ядро чернеет, / Осколки ржавых бомб топчу я под ногой. / О, город мертвецов, чья мысль уразумевает / Величие могил, оставленных тобой!..* (А. Фет «Севастопольское Братское кладбище», 1887).

Мотив «города на море», города бухт, холмов, гармонично сочетающего приметы юности и зрелости мы встречаем в лирике русских поэтов неоднократно: *И сквозь медленную опаль / Белых бабочек в окне / Крутоспинный Севастополь – / Краб на солнце – шел ко мне...* (Вс. А. Рождественский. «Мне сегодня снилось море...», 1939).

Одной из важнейших примет города является его **близость к морю**. Очевидно, что первоначальный выбор места основания города, определявший стратегическое значения Севастополя как **города русского флота**, сохранил свою культурно-историческую значимость: *Красавец белокаменный у моря, / Что защищал твои границы Русь, / Он знал победы, поражений горе* (В. Котов «Кошмарик», 2005); *Всем вопреки, на волю скоро / От Севастополя прорвет / Теснины навшего Босфора / Петровский, в сталь отлитый флот!* (М.Н. Зенкевич. «Прожектор швабов над Белградом...», 1913)

Если рассматривать выделенные нами ранее направления ассоциативно-смыслового развертывания концепта *Севастополь*, то необходимо отметить, что все они в лирике находят своеобразную эстетическую конкретизацию. Например, *культурно-исторический* чаще представлен темой истории города, *антропологический* – связью поколений, *топологический аспект* – описанием географических примет, легендарными местами боев и *мифологический* – особой атмосферой города: *Сей назван град Екатериной, по её указу, / что означает – достойный поклонения, / историю не изменить, ну никаким приказом, / и этот факт все знают поколения* (А. Лавриков. Исторический нигилизм, 2008); *Времен прошедших ценные скрижали / Хранят, куда потом око ни взгляни – / В Екатеринин век, и в Александра дни, / К Балканам, на Кавказ, на польские восстанья / На Севастополь, Плевну, их сказанья, / На степи Азии и – повсюду след костей – / То рослых гренадер, то мелких егерей, / След однокашников – товарищей убитых!* (К.К. Случевский «Привет тебе, наш светлый уголок!..», 1890); *Вы окунулись в древний зной*

июля / Аттического медленного лета / Шумны догадки. Пониманье – немо. / Сквозь синьку волн и неба, сбившись в счете / Разрушенных колонн и представлений. / Вы узнаете, снова узнаете / Давнишний облик здешнего селенья. (Б. Бабушкин «Колокол Херсонеса»).

Слияние тополического и антропологического аспектов в культурно-историческом направлении ассоциативного развертывания концепта происходит при актуализации темы связи поколений, преемственности, воплощающейся в особенностях города. Как правило, прошлое связано с историей, а настоящее и будущее персонафицируется.

Концепт *Севастополь* в современной лирике, имея те же ядерные признаки, что и в целом в лирике русских поэтов XIX–XX вв., имеет особенности в периферийной зоне. Возраст города, его история, особенности истории его основания часто становятся темой лирических размышлений, причем история приобретает черты былинного размаха, что отражается в торжественно-приподнятом стиле повествования (ср. лексику высокого стиля, устаревшую лексику и фразеологию). Эту же функцию выполняют приемы гиперболизации, нанизывания эпитетов, риторические фигуры обращения, восклицания и др., приемы героизации основателей города, его защитников и эстетизации результатов их созидательной деятельности.

Мифологизацию, на наш взгляд, можно считать основной тенденцией развертывания концепта в региональном поэтическом дискурсе, посвященном Севастополю. Стихотворения, посвященные городу, имеют отчетливые черты эпидейктического жанра – хвалы или комплимента.

Самым важным признаком Севастополя в лирике русских поэтов XIX–XX вв. является концептуальный признак «город – герой, город русской славы». Все локально значимые репрезентанты концепта объединяет общий для многих авторов антропологически ориентированный идейно-эстетический замысел – воплотить образ города Севастополя как города великой русской славы, русской истории.

Дискурсивный потенциал лексемы *город* в значении *малая родина* предполагает возможность формирования в контексте личностного смысла, например, Севастополь является мечтой или воспоминанием.

Представляется, что своеобразие эстетической актуализации рассматриваемого концепта в значительной степени определяется и формируется прежде всего культурно-историческими и социальными предпосылками.

1. Алефиренко Н.Ф. Проблема вербализации концепта / Н.Ф. Алефиренко. – Волгоград: Перемена, 2003. – 267 с. 2. Антология концептов: в 2-х т. / [под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина]. – М.: Флинта, 2005. – Т. 1. – 580 с. 3. Степанов Ю.С. Методы и принципы

Мадина Алиева

Лингвостилистический аспект телевизионной речи

У статті проаналізовано монологічні та діалогічні особливості телевізійного мовлення у плані їх вираження та розуміння; визначено універсальні ознаки масової комунікації та її найбільш ефективні мовні засоби.

The article analyzes the monological and dialogical features of television speech in terms of their expression and understanding; the universal features of mass communication and its most effective language tools are defined

Функциональные стили в телевизионной речи получают свое специфическое преломление, связанное с прагматическими условиями их реализации. Любая функциональная разновидность языка реализуется в некоторых вполне конкретных - прагматических условиях.

Будучи непосредственно обращенным к зрителю, преследуя цель постоянной активизации его внимания, слово должно расширять границы телекадра. Соблюдая нормы современного литературного языка, нормы книжной речи, выступающий по телевидению неизбежно употребляет и разговорные средства.

Разговорная речь всегда была самым эффективным источником обновления языка. Так было во времена Пушкина, когда разговорная стихия стала одним из факторов формирования русского литературного языка. Так было в эпоху Достоевского и демократического движения 60-80-х годов XIX века; так было в 20-30-е годы XX столетия; наконец, те же истоки у складывающегося современного облика литературного языка конца XX-начала XXI века.

Все без исключения исследователи специфики телевидения говорят о магической силе «разговорности» в телевидении: так, беседу, интервью, репортаж принято относить к так называемому «разговорным жанрам телевидения. Рассматривая реальное применение языка, мы обычно исследуем конкретную речевую практику в ее устной и письменной форме. Конечно, если говорить о формах речи, то в телевидении функционирует форма устной речи. Поэтому следует различать, разграничивать понятия «разговорная речь» и «устная речь».

«...В основе литературного языка лежит монолог, рассказ, противопологаемый диалогу - разговору речи ... Монолог чаще всего адресуется к ряду лиц, среди которых могут быть близкие и неблизкие, и вам чужие: все это лишает возможности рассчитывать на непосредственное понимание и заставляет прибегать к традиционным формам речи, к литературному языку».

Основу речевой сферы телевидения составляет монологическая форма речевой деятельности -

живая основа литературного языка.

Так, выступления дикторов, обозревателей, комментаторов - монолог в чистом виде, «организовала система облеченных в словесную форму мыслей», предварительно воздействующая на телезрителей.

Монолог и диалог как речевые явления противопоставлены. Так можно ли считать телевизионные передачи построенными по принципу диалогической речи?

Есть два типа монолога - убеждающий и сообщающий. В соответствии с этими типами и происходит выбор средств выражения, прежде всего языковых средств.

Говорящий может просто передать информацию, сообщить факты, никаких их не оценивая. Это будет монолог-сообщение. Другой же говорящий совсем не безразличен к тому, как отнесутся к его информации, как ее при этом сделают для себя выводы. Его монолог может стать убеждающим, рассчитанным воздействие, если будут выбраны необходимые средства выражения, и снова

Поэтому естественно, что речь в телевидении, являясь одной из разновидностей массового общения, должна выполнять основную функцию литературного языка, т.е. быть общепринятой и общепонятной.

Так как для телевидения характер синтез форм и типов речи, необходимо проанализировать своеобразие лингвистических структур монолога и диалога и особенности их функционирования в телеречи.

В диалоге, непосредственном слуховом восприятии собеседника, уменьшается значение слов, возрастает роль ситуации, мимики, жеста, интонации, именно поэтому звучащая речь проще, доступнее. В телевизионном диалоге к перечисленным явлениям нужно присовокупить зрительное восприятие, которое также создает ситуацию речи: в результате восприятие выступающего в кадре человека значительно облегчается.

Изучая звучащую речь, мы должны учитывать, что для говорящего она состоит в выражении, а для слушающего - в понимании. Оба этих плана